

Вопросы философии и психологии

Книга 118.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 118. / – М.: Книга по Требованию,
2012. – 264 с.

ISBN 978-5-458-04766-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04766-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Философія Вильгельма Шуппе ¹⁾.

Неокантіанство и имманентизмъ.

Когда сходить въ могилу большой философскій духъ, создавшій свою собственную систему и въ теченіе своей жизни испробовавшій ее и изжившій въ различныхъ направленіяхъ, въ прошлое отходить такая категорія философскаго творчества, которая, казалось, еще нѣсколько дней тому назадъ знаменовала собою философскую современность, была, такъ сказать, энтелехіальной или монадической формою еще вчера господствовавшей философской системы. То, что совсѣмъ еще недавно представлялось такимъ близкимъ, животрепещущимъ, насущнымъ, и обсужденіе чего до крайности затруднялось субъективизмомъ этой близости, вдругъ сразу становится въ нѣкоторомъ отдаленіи, получаетъ перспективу, а вмѣстѣ съ нею и необходимую для безпристрастной оцѣнки объективность. Просыпается сознаніе того, что эпоха, стоящая подъ знакомъ этой системы, изжила себя, закончила внутренній циклъ своего энтелехіальнаго развитія, что наступаетъ новая эпоха, нарождается новая энтелехія, обѣщающая новую философскую систему, новую категорію философскаго творчества. Если, при этомъ, „ученики“ продолжаютъ еще

¹⁾ Было читано въ сокращенномъ видѣ по поводу кончины В. Шуппе въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 6 апрѣля 1913 года. В. Шуппе въ годовичномъ засѣданіи 2 марта 1913 года былъ избранъ почетнымъ членомъ Психологическаго Общества.

свою „ученическую“ работу и все снова и снова заявляют о томъ, что система отошедшаго знаменуетъ собою современность, представляетъ послѣднее слово философской мудрости и даетъ самоновѣйшій отвѣтъ на философскія загадки, вполне удовлетворяя тѣмъ наличныя потребности, то отъ этого положеніе дѣла нисколько не мѣняется. Ибо причиною такого „ученическаго“ заявленія можетъ быть только одно изъ двухъ: либо они ограничены и узки и далѣе словъ „учителя“ вообще неспособны видѣть никакихъ иныхъ горизонтовъ;—и въ такомъ случаѣ новая эпоха и идетъ, и пройдетъ мимо нихъ въ силу ихъ коснаго „ученичества“; либо, фактически двигаясь впередъ вмѣстѣ съ эпохой и уже оставивъ позади себя своего „учителя“, они просто еще не дошли до сознанія того, что сами своими собственными мыслями и словами зачинаютъ уже новую эпоху, вѣщаютъ новое категоріальное откровеніе философскаго духа.

Въ лицѣ Вильгельма Шуппе философскій міръ потерялъ, безспорно, очень крупнаго оригинальнаго мыслителя, который въ свое время рукоположилъ отходящую нынѣ философскую эпоху на царство и за все время ея существованія неустанно шелъ въ первыхъ рядахъ ея поборниковъ, никогда не сворачивая съ прямого пути, никогда не отка- зываясь отъ изначально принятыхъ основоположеній. Если что и мѣшаетъ признать Шуппе въ подлинномъ смыслѣ слова философскимъ гениемъ и поставить въ рядъ тѣхъ философскихъ умовъ, которыми знаменуются кардинальные этапы философскаго мышленія, то это—только своеобразный характеръ той эпохи и того движенія, однимъ изъ вождей котораго ему суждено было стать. Не отдѣльный мыслитель знаменуетъ собою эту эпоху, а совокупныя усилія многихъ мыслителей, главнымъ же образомъ двухъ изъ нихъ: его—Шуппе и Германа Когена; такова ужъ внутренняя природа и логика этого движенія. И потому-то категорія философскаго духа, только что изжитая и нынѣ вмѣстѣ

со смертью Шуппе как бы отходящая въ прошлое, отмѣчается не столько именемъ отдѣльнаго генія, сколько словомъ, указующимъ на ея внутреннее устремленіе. Имя ей—*неокантіанство*, а ближайшая ея характеристика—*гносеологическій имманентизмъ*.

Любопытно распредѣлились роли Шуппе и Когена въ утвержденіи и проведеніи этого движенія. Въ то время, какъ Шуппе сразу же шагнулъ *in medias res* систематическаго анализа и синтеза, сразу же сталъ строить новую систему гносеологическаго имманентизма своими собственными силами, Когенъ обратился къ исторической подготовкѣ движенія, желая сначала взять все, что можно, отъ Канта и его первыхъ послѣдователей, чтобы уже на такой исторически расчищенной и тѣмъ облегченной почвѣ строить зданіе собственной философской системы. Эта историческая подготовка, эта ориентировка на Кантѣ и его системѣ, отъ которой и получилось наименованіе новой, тогда надвигавшейся системы неокантіанствомъ, имѣла въ первыя десятилѣтія несомнѣнно большій успѣхъ и болѣе многочисленныхъ послѣдователей: неокантіанство заслонило собою гносеологическій имманентизмъ въ новомъ движеніи. И это повело къ одному въ высшей степени прискорбному недоразумѣнію. А именно: немалымъ числомъ мыслителей новое движеніе было усвоено только со стороны его исторической подготовки, своеобразный и гениальный характеръ новой выступающей категоріи философскаго духа былъ просмотрѣнъ и на движеніе во всемъ его цѣломъ было поставлено гнетущее и философски-позорное клеймо „эпигонства“. Слово „неокантіанецъ“ и „эпигонъ“ стали въ устахъ очень и очень многихъ синонимами ¹⁾.

1) Подобный смыслъ имѣетъ, напр., сужденіе, высказанное о неокантіанскомъ движеніи кн. С. Н. Трубецкимъ. См. Собраніе сочиненій, т. II (1908) стр. 41 и сл. И это несмотря на то, что онъ является горячимъ поклонникомъ Канта въ самыхъ главныхъ дѣяніяхъ послѣдняго. „Великое открытіе Канта, говоритъ онъ (*ibid.*, стр. 57),—состояло въ томъ, что онъ призналъ всѣ явленія, точно такъ же какъ и самыя идеи и необходимые идеалы человѣческаго разума—обусловленными а priori трансцендентальнымъ сознаниемъ“.

Между тѣмъ, такая квалификація лишена правомѣрности не только по отношенію ко всему такъ называемому неокантіанскому движенію цѣликомъ, но даже и по отношенію къ тому его аспекту, который по праву носитъ имя неокантіанства. Дѣйствительно, тѣ мыслители, которые взяли своимъ лозунгомъ слова „назадъ къ Канту“, совсѣмъ не хотѣли возвращаться къ буквѣ Кантова ученія, повторять слово въ слово его мысли, пересказывать его систему. Возвращаясь къ Канту, они преслѣдовали гораздо болѣе систематическую, глубокую и оригинальную цѣль: они возвращались къ тому критическому методу, который впервые былъ систематически развитъ и упроченъ Кантомъ, возвращались къ очагу новаго и на этотъ разъ, какъ они думали, поставленнаго на твердый научный фундаментъ философскаго мышленія. И они дѣлали это только и только для того, чтобы, вернувшись и укрѣпившись на этой упроченной основѣ, затѣмъ работать философски за свой счетъ. Только и только это сознаніе руководило ими въ тѣ поры, когда, погружившись съ головою въ труды Канта, они стремились тщательно проанализировать каждое его слово и жарко спорили по поводу самыхъ ничтожныхъ на первый взглядъ мелочей. Они подготовлялись и подготовляли. Они учили и изучали Канта, учились у него мыслить и понимать, разбирая его идеи и конструируя изъ нихъ цѣлое,

„Открытие идеализма состояло не въ томъ, что дѣйствительность есть призрачное субъективное представленіе, а въ томъ, что она есть истинное объективное, универсальное представленіе“ (172). „У насъ многіе недостаточно обращаютъ вниманіе на существенную особенность Канта—на отличіе его трансцендентальнаго идеализма отъ простаго иллюзионизма“ (169, прим.). „Какъ показываетъ исторія, въ ученіи Канта заключается переходъ отъ эмпирическаго идеализма къ трансцендентальному, отъ субъективнаго идеализма—къ объективному, универсальному идеализму“ (295).—Но кто какъ не неокантійцы, какъ не эти „этигоны“ или „выхоленные критицисты“ (выраженіе кн. С. Н. Трубецкаго, стр. 42), кто какъ не они подчеркнули и вывели съ особенной силой эти плодотворныя стороны Кантовскаго ученія? Кто какъ не они сдѣлали изъ Канта подлиннаго трансценденталиста и тѣмъ представили на общее пользованіе освобожденный отъ устарѣвшихъ одеждъ и формулировокъ трансцендентальный методъ?!

только и только для того, чтобы потомъ дать свои собственные идеи или даже системы. Они дѣлали то же, что дѣлаеть каждый будущій ученый, изучая основы своей науки съ яснымъ сознаніемъ того, что только по ихъ усвоеніи онъ сможетъ идти дальше и творить самостоятельно. Словомъ, возвратившись къ Канту, они были учениками просто, не учениками въ кавычкахъ, не эпигонами ¹⁾.

Чрезвычайно нагляднымъ тому свидѣтельствомъ служить философское творчество *Германа Когена*. Много лѣтъ своей научной дѣятельности посвятилъ онъ разработкѣ и реконструкціи Кантова ученія, вставъ съ перваго же момента во главѣ той фаланги, которая возвратилась къ Канту. Но съ самаго же начала въ каждой строкѣ этого мыслителя чувствовалась скрытая цѣль его стараній, сквозилъ оригинальный духъ, совсѣмъ не задавленный проходимою имъ школою Кантовскаго метода философствованія. Съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, неизмѣнно связывавшимся съ именемъ Канта, этотъ духъ проглядывалъ все больше и больше, такъ какъ больше и больше созрѣвалъ въ лицѣ Когена самостоятельный носитель критическаго метода. И вотъ, наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ неустаннаго изученія Канта и ученія другихъ Канту, Когенъ почувствовалъ себя „выучившимся“, ощутилъ въ себѣ готоваго мыслителя и далъ свою собственную систему, родную Канту по методу философствованія и общему духу проповѣдуемой философіи, но во всемъ цѣломъ своемъ принадлежащую только и только генію и уму самого Когена. Можно не соглашаться съ основоположеніями Когеновской философіи, можно считать ихъ насквозь ложными, отвергать даже тотъ методъ, который проникаеть ихъ, а

¹⁾ „Наша задача двигать впередъ теорію, развивать ее, а не пережевывать старое“. См. *Н. Бердяевъ*, „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ (1901), стр. III.—Вотъ какъ мѣтко въ двухъ словахъ умѣлъ Н. Бердяевъ защитить неокантіанское движеніе въ тѣ недавнія времена, когда онъ чувствовалъ, что „только трансцендентальная философія обосновываетъ познавательный объективизмъ“ (20).

вмѣстѣ съ нимъ и весь критицизмъ вообще. Можно считать систему Когена, а вмѣстѣ съ нимъ и всю новую и новѣйшую философію, поскольку она проникнута аналогичными аспираціями, искривленіемъ, болѣзненнымъ состояніемъ человеческого духа, можно клясть ее и предавать анаѣмѣ, какъ наученіе діавола ¹⁾. Но одного у нея нельзя будетъ никакъ отнять, это — того, что система Когена есть его система, есть философія Когена, т.-е. что она *оригинальна*. А это и будетъ значить, что неокантіанскій аспектъ всего послѣдняго періода былъ лишенъ по своей внутренней сущности эпигонскаго обличія и что сдѣлать слова „неокантіанецъ“ и „эпигонъ“ синонимами было несправедливо.

Еще болѣе разителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ *Вильгельма Шуппе*. Вставъ вмѣстѣ съ Когеномъ во главѣ нынѣ отходящей эпохи и будучи подобно ему однимъ изъ властныхъ вдохновителей неокантіанства, Шуппе при этомъ, какъ было упомянуто, съ самаго же начала отдался систематическому укрѣпленію неокантіанской позиціи и самостоятельному проведению критическаго метода. Дѣло Канта онъ уразумѣлъ и впиталъ въ себя быстро, еще не сходя съ ученической скамьи въ прямомъ смыслѣ этого слова. Ни одинъ изъ его трудовъ не носить на себѣ печати подготовительной разработки Кантова ученія, печати конкретно продѣлываемаго историческаго возврата къ Канту. И тѣмъ не менѣе, все его мышленіе насыщено мотивами Кантовскаго критицизма, руководствуется его максимами и задачами, даетъ отвѣты въ его духѣ, служить укрѣпленію и развитію его дѣла, — словомъ, является по существу своему тоже возвратомъ къ Канту, но только чисто-систематическимъ, идейнымъ, методическимъ. Это врядъ ли можетъ быть сколько-нибудь серьезно подвергнуто сомнѣнію, хотя бы уже потому, что центральное усиліе Шуппе: утвердить познавательный имманентизмъ, сохраняя притомъ объективизмъ и бытіи-

¹⁾ См., напр., *Н. Бердяевъ*, „Философія свободы“ (1911), стр. 4 и сл., 22 сл., 99 сл., 121 сл., 135 сл., 140 сл.; *С. Булаковъ*, „Философія хозяйства“, I (1912) стр. 13 сл., 34, 199 сл.

ность, есть именно то, чего всегда добивалось неокантианство, видя въ этомъ истинный методъ Кантовскаго критицизма.—Въ лицѣ Шуппе, такимъ образомъ, то движеніе, которое по одному изъ своихъ аспектовъ, именно по его подготовительно историческому аспекту, принято называть неокантианскимъ, уже въ первые годы своего существованія обнаружилось во всей своей оригинальности, показало себя со стороны своего самостоятельнаго, творческаго существа, выявилось, какъ *особая категорія философской мысли*. Такъ что, не посодѣйствуя тому, съ одной стороны, неблагоприятно сложившіяся историческія обстоятельства, а съ другой—произвольное смѣшеніе Шупповскаго имманентизма съ внутренно чуждыми ему ученіями¹⁾,—печальнаго обвиненія неокантианства въ эпигонствѣ могло бы и не послѣдовать.

Нижеслѣдующее изложеніе ставитъ себѣ цѣлью вскрыть основные и характернѣйшіе моменты Шупповскаго критическаго или гносеологическаго имманентизма и тѣмъ конкретнѣе и обстоятельнѣе продемонстрировать ту оригинальность, которая присуща его ученію, а черезъ него и всему неокантианскому движенію. Такъ, думается, лучше и достойнѣе всего будетъ почтена память отошедшаго ²⁾.

1) Напр. съ ученіями Лааса, Шуберта—Зольдерна, Кауффмана съ одной стороны, Авенаріуса съ другой. Изъ нихъ трое первыхъ являются безусловными сторонниками сенсуалистическаго психологизма (отчасти подъ влияніемъ Юма), Авенаріусъ же—ярый приверженецъ біологизма въ философіи. Самъ Шуппе полагалъ, что близокъ указаннымъ мыслителямъ. Онъ упускалъ при этомъ изъ виду, что является принципиальнымъ противникомъ психологизма и біологизма, и руководствовался сходствомъ въ пунктахъ мѣнѣе принципиальнаго значенія.

2) Шуппе оставилъ послѣ себя немалое наслѣдіе. Но большая часть его произведеній разсыпана по различнымъ журналамъ. Поэтому нижеслѣдующій списокъ не рискуетъ претендовать на абсолютную полноту. Das menschliche Denken (1870); Die aristotelische Kategorien (1871); Erkenntnistheoretische Logik (1878); Bergmanns Reine Logik und die Erkenntnistheoretische Logik mit ihrem angeblichen Idealismus въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie (III, 1879); Das Verhältniss zwischen Kants formaler und trans-

Satz der Immanenz.

Свою основную точку зрѣнія, на которой, какъ на оси, вертится вся его философія и которую обычно принято обозначать, какъ *Satz der Immanenz*, Шуппе предваряетъ безпоощадной критикой, острымъ, до конца разрушительнымъ

cendentaler Logik въ Philosophische Monatshefte, (XVI, 1880); Grundzüge der Ethik und Rechtsphilosophie (1881); Das metaphysische Motiv und die Geschichte der Philosophie im Umriss (1882); Was sind Ideen? въ Zeitschrift f. Philos. u. philos. Kritik (82, 1883); Die Normen des Denkens въ Vierteljahrschrift f. w. Philos. (VII, 1883); Zum Eudämonismus въ Vierteljahrschr. f. w. Ph. (VIII, 1884); Begriff des subjectiven Rechts (1887); Das Gewohnheitsrecht (1890); Das Recht des Besitzes (1891); Empfindung und Wahrnehmung въ Zeitschrift f. Philos. (Bd. 98, 1891); Die Bestätigung des Realismus въ Vierteljahrschrift f. w. Phil. (XVII, 1893); Staat, Schule und Religion въ Paedagogium'ъ (январь, 1893); Die natürliche Weltansicht въ Philos. Monatshefte (XL, 1894); Wundt's Erkenntnistheorie въ Göttigliche gelehrte Anzeiger (№ 3, 1894); Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik (1894); Begriff und Grenzen der Psychologie въ Zeitschrift für immanente Philosophie (I, 1895); Das Recht und die Ehe, ibid. (I, 1896); Die immanente Philosophie und Wilhelm Wundt, ibid. (II, 1897); Solipsismus, ibid. (III, 1898); System der Wissenschaften und das des Seienden, ibid. (III, 1898); Was ist der Verstand und wie kann er gebildet oder geschärft werden?, ibid. IV, 1899); Was ist Bildung oder was soll in unseren Schulen gelernt und gelehrt, werden?, ibid. (IV, 1900); Zum Psychologismus und Normcharakter der Logik въ Archiv für systematische Philosophie (VII, 1901); Meine Erkenntnistheorie und das bestrittene Ich, ibid. (VII, 1901); Zusammenhang von Leib und Seele (1902); Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik, 2 Aufl. (1910).—Methoden der Rechtsphilosophie въ Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft (Bd. V); Der Begriff des Rechts въ Zeitschrift für das privat—und öffentliche Recht der Gegenwart (Bd. X); Die spezifische Differenz im Begriff des Rechts, ibid. (Bd. XI); Das Wesen der Dinglichkeit въ Kritische Vierteljahrschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (N. F. Bd. XIV); Subjectslose Sätze (1883); Rechtswissenschaft und Rechtsphilosophie; Ueber die Natur der Eidesdelation.—О Шуппе писали мало. См. R. Herrmann, Schuppe's Lehre von Denken kritisch beleuchtet (1895); M. Brennekam, Ein Beitrag zur Kritik der Kantischen Ethik, Kants Ethik beleuchtet durch Schuppe's Ethik (1895); P. Natorp въ Archiv für system. Philosophie (II, 1896); Wundt, Ueber naiven und kritischen Realismus въ Philosophische Studien (Bd. XII—XIII, 1896—97); A. Schapira, Erkenntnistheoretische Strömungen der Gegenwart. Schuppe, Wundt und Sigwart als Erkenntnistheoretiker (1904); A. Aliotta, Guglielmo Schuppe въ Cultura filosofica (1908); H. Amrhein, Kants Lehre vom „Bewusstsein überhaupt“ (1909) S. 161—167; H. Lanz, Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik (1912), см. главу, посвященную Шуппе; A. Aliotta, La reazione idealistica contro la scienza (1912), см. главу, посвященную фило-

уничтоженіємъ противоположной ему философской точки зрѣнія, такъ называемаго „естественнаго взгляда на міръ“ (*natürlicher Weltansicht*), точки зрѣнія наивнаго натурализма и всѣхъ прямо или косвенно вытекающихъ изъ нея послѣдствій.

Наивный человѣкъ представляетъ себѣ положеніе дѣла слѣдующимъ образомъ. Вокругъ него, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ, распространяется міръ вещей, болѣе или менѣе другъ отъ друга независимыхъ, такъ или иначе другъ на друга воздѣйствующихъ и другъ съ другомъ связанныхъ, а по своей сущности болѣе или менѣе своеобразныхъ и самостоятельныхъ. Всѣ эти вещи лежатъ внѣ его, независимы отъ него и доступны ему только черезъ чувственное ихъ воспріятіе, черезъ дѣятельность сознающаго я, которая направляется на нихъ и въ состояніи болѣе или менѣе приближаться къ ихъ адекватному уразумѣнію. Другими словами, всѣ вещи міра суть по отношенію къ нему „вещи въ себѣ“ подобно тому, какъ и онъ по отношенію къ нимъ является тоже нѣкоторымъ дѣйственнымъ „я въ себѣ“.

софіи Шуппе; *G. de Ruggiero*, *La filosofia contemporanea* (1912), см. главу, посвященную философскимъ взглядамъ Шуппе. — На русскомъ языкѣ литература о Шуппе тоже весьма ограничена. См. *П. Струве*, Предисловіе къ книгѣ Н. Бердяева: *Субъективизмъ и индивидуализмъ* (1901); *Борецкая*, Имманентная философія и трансцендентная метафизика въ Научномъ обозрѣніи (№ 5 и 7. 1902); Солипсизмъ и „сознаніе вообще“ въ имманентной философіи, *ibid.* (№ 8 и 9, 1902); *Г. Челпановъ*, Объ имманентной философіи въ Философскихъ изслѣдованіяхъ, редак. проф. Г. Челпановымъ (I, 1904); *Н. Виноградовъ*, Философія Давида Юма, часть 1-ая (1906); *Д. Викторовъ*, Эмпіріокритицизмъ или философія чистаго опыта (1909); *Г. Ланцъ*, Вильгельмъ Шуппе и идея универсальной имманентности въ Вопросахъ Философіи и Псих. (кн. 100, 1909); *В. Эрнъ*, Беркли, какъ родоначальникъ современнаго имманентизма, *ibid.* (кн. 103, 910); *Вундта*, О наивномъ и критическомъ реализмѣ, пер. Водена (1910); *Н. Лосскій*, Имманентная философія В. Шуппе въ сборникѣ № 3 „Новыхъ идей въ философіи“ (1913); *Б. Яковенко*, Объ имманентномъ трансцендентизмѣ въ „Логосѣ“ (годъ 1912/13, кн. 1/2), стр. 137—143; *Н. Лосскій*, Преобразование понятія сознанія въ современной гносеологии и роль Шуппе въ этомъ движеніи въ Вопросахъ Фил. и Псих. (кн. 116, 1913); *В. Шуппе*, Понятіе психологии и ея границы въ сборникѣ № 4 „Нов. идей въ филос.“ (1913); Солипсизмъ въ сборникѣ № 6, *ibid.* (1913).

Внутренняя затруднительность такого отношенія къ міру обнаруживается тотчасъ же, какъ только наивный чело-вѣкъ пытается философски мыслить. Рѣзкій дуализмъ между „вещью въ себѣ“, съ одной стороны, и сознающимъ „я въ себѣ“ съ другой, присущій естественному міропониманію, нестерпимъ для философа, мѣшая ему сколько-нибудь осмысленно разобраться въ его гносеологическихъ и онтологическихъ, а значить и всѣхъ вообще философскихъ проблемахъ. Отсюда—отказъ отъ естественнаго взгляда на міръ и попытки мыслить этотъ послѣдній иначе. Самой естественной попыткой, но и наименѣе радикальной при этомъ, является такъ называемая „теорія отображенія“, т.-е. установленіе между „вещами въ себѣ“ и „сознающимъ я въ себѣ“ нѣкоторой престабилизированной гармоніи. Гораздо радикальнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольнѣе, попытки свести все существующее либо только на „вещи въ себѣ“ (матеріализмъ), либо только на „сознающее я въ себѣ“ (субъективный идеализмъ).

Шуппе одинаково отвергаетъ всѣ три попытки, отвергаетъ ихъ потому, что отвергаетъ самый ихъ исходный пунктъ: натуралистическое міропониманіе. Это послѣднее, по его мнѣнію, совершенно неправильно толкуетъ какъ природу вещей, такъ и природу сознающаго я, а значить и природу ихъ отношенія, извращая ихъ донельзя. Чтобы понять то, что есть на самомъ дѣлѣ, мало искать какого-либо менѣе наивнаго истолкованія для наивно-натуралистически-даннаго противоположенія вещей и я. Нужно отказаться отъ наивнаго взгляда совершенно, нужно въ качествѣ самого исхода взять совершенно другое міропониманіе. Въ противномъ случаѣ никакъ нельзя будетъ выйти изъ напередъ постулированныхъ затрудненій ¹⁾.

И прежде всего совершенно произвольно и неправомѣрно наивно-натуралистическое установленіе „вещей въ себѣ“, независимыхъ отъ сознающаго ихъ я. На самомъ

¹⁾ См. Erkenntnistheoretische Logik (1878), s. 26—56; Grundriss der Erkenntnistheorie und Logik (1894), s. 8—15.